

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145

Е. Г. Стрельцова
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Цифровое исполнительное производство

Резюме. Одним из направлений цифровизации является введение цифрового исполнительного производства. В статье анализируются: специфика цифрового исполнительного производства в соотношении с предшествующим этапом защиты права — судебными и внесудебными порядками; проблемы устранения правовых и фактических ошибок, допущенных на этапе подтверждения права; совместимость механизма поворота исполнения с цифровым исполнительным производством. Оцениваются совместимость текущих правил исполнительного производства с упрощенным цифровым исполнительным производством и риски дополнительных бюджетных расходов, связанные с несовершенным механизмом поворота исполнения в цифровом исполнительном производстве. Выделены три варианта исполнительных производств, в которых могут быть задействованы информационные технологии: упрощенное обращение взыскания на денежные средства, обращение взыскания на иное имущество, обращение взыскания на цифровые активы. Обосновано, что упрощенное исполнительное производство, применяемое в отношении денежных взысканий, должно исключить возможность взыскания через банки и работодателя. На основании анализа статистических данных демонстрируется, что большинство взысканий потребует перехода из цифрового исполнительного производства в ординарное исполнительное производство, следовательно, необходимо решение проблемы регулирования вопросов предоставления срока на добровольное исполнение, взыскания исполнительского сбора, ареста имущества и т.д. В ординарном исполнительном производстве использование информационных технологий должно быть направлено на решение проблемы обнаружения имущества неисполняющего должника; это требует законодательных и технологических решений по перекрестному анализу информации, необходима единая база сведений о долговых обязательствах, имеющихся денежных средствах, имуществе лица и его расходах, совмещенная с базой, обеспечивающей возможность применения типичных запретов, лишения типичных льгот и преимуществ. Сделан вывод, что для продвижения национальной юрисдикции в трансграничных спорах необходимо развивать направление разрешения споров в отношении цифровых активов, и предложены конкретные меры для этого развития.

Ключевые слова: упрощенное исполнительное производство; информационные технологии; ошибка; поворот исполнения; денежные взыскания; цифровые активы; трансграничные споры; национальная юрисдикция

Для цитирования: Стрельцова Е. Г. Цифровое исполнительное производство. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 135–145. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

Digital Enforcement Proceedings

Elena G. Streltsova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. One of the directions of digitalization is the introduction of digital enforcement proceedings. The paper analyzes the specifics of digital enforcement proceedings in relation to the previous stage of legal protection — judicial and extrajudicial procedures; the problems of eliminating legal and factual errors made at the stage of confirming the right and the compatibility of the mechanism of restitution with digital enforcement proceedings. The compatibility of the current rules of enforcement proceedings with summary digital enforcement proceedings and the risks of additional budget expenditures associated with an imperfect mechanism for a writ of restitution in digital enforcement proceedings are evaluated. There are three ways to enforce proceedings in which information technologies can be involved: simplified foreclosure on funds, foreclosure on other property, foreclosure on digital assets. It is proved that the summary enforcement proceedings applied to monetary penalties should exclude the possibility of recovery through banks and the employer. Based on the analysis of statistical data, it is demonstrated that most of the penalties will require a transition from digital enforcement proceedings to ordinary enforcement proceedings, therefore, a solution is required to regulate the issues of granting a term for voluntary execution, collection of enforcement fees, seizure of property, etc. In ordinary enforcement proceedings, the use of information technology should be aimed at solving the problem of detecting the property of a non-performing debtor; this requires legislative and technological solutions for cross-analysis of information, a single database of information on debt obligations, available funds, the property of a person and their expenses, combined with a base that provides the possibility of applying typical prohibitions, deprivation of typical benefits and privileges. It is concluded that in order to promote national jurisdiction in cross-border disputes, it is necessary to develop the direction of dispute resolution in relation to digital assets, and specific measures for this development are proposed.

Keywords: summary enforcement proceedings; information technology; error; writ of restitution; monetary penalties; digital assets; cross-border disputes; national jurisdiction

Cite as: Streltsova EG. Digital Enforcement Proceedings. *Lex Russica*. 2023;76(10):135-145. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145

Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number: 1022040700002-6-5.5.1.

Введение

Проблема эффективности исполнительного производства актуальна с начала 1990-х гг. Изменения в законодательстве об исполнительном производстве и об организации службы судебных приставов, перераспределение функций между судами и службой судебных приставов, увеличение финансирования ФССП — все эти меры не привели к существенному изменению в результативности исполнения исполнительных документов. Так, в 2019 г. в среднем на одного судебного пристава приходилось 4,3 тыс. исполнительных производств, в 2020 г. — 4,6 тыс.¹,

в 2021 г. — 4,9 тыс., в 2022 г. — 5,6 тыс.², а в Татарстане в 2022 г. нагрузка составила 8,8 тыс. исполнительных производств на одного судебного пристава³.

При этом надо учитывать, что часть исполнительных документов исполняется вне обращения к ФССП: через работодателей и других лиц, выплачивающих периодические платежи, банки, держателей реестров ценных бумаг, а также при обращении взыскания на средства бюджетов бюджетной системы России и на средства участников казначейского сопровождения.

Невозможно считать эффективной защиту права в случае, если не достигается его реаль-

¹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/10949209> (дата обращения: 25.04.2023).

² URL: <https://fssp.gov.ru/2837777/> (дата обращения: 11.03.2023).

³ URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2168291.htm> (дата обращения: 17.02.2023).

ное восстановление, — это очевидный постулат. Точно так же не может быть привлекательной юрисдикция, не способная обеспечить эффективность исполнения. Таким образом, эффективность исполнительного производства не только является фактором, влияющим на внутрисударственный правопорядок, но также может оказывать самое существенное воздействие на выбор России в качестве страны — места рассмотрения спора, обеспечивая конкурентоспособность национальной юрисдикции на международном рынке разрешения трансграничных споров. Идея цифрового исполнительного производства откликается на оба этих вызова. Не являясь панацеей от всех сложностей исполнительного производства, информационные технологии могут решить часть проблем стагнации принудительного исполнения. Выделяются следующие направления применения технологий при принудительном исполнении:

1) введение упрощенного исполнительного производства;

2) использование аналитических возможностей цифровых технологий и возможностей больших данных;

3) принудительное исполнение в отношении цифровых активов.

Каждое из этих направлений относительно самостоятельно, нацелено на решение различных задач и требует разных законодательных и технологических решений.

Первое направление — *упрощенное исполнительное производство*. Идея упрощенного исполнительного производства вытекает из общей тенденции «стремительного упрощения правовых процедур в ключевых юрисдикционных органах», в том числе при принудительном исполнении⁴. Она связана прежде всего с автоматизацией исполнительного производства в части взыскания денежных средств. Часть 4 ст. 5 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» устанавливает, что «Федеральная служба судебных приставов использует государственные информационные системы, а также в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, может принимать решения и обмениваться

информацией в автоматическом режиме (без участия должностных лиц службы судебных приставов)»⁵.

В настоящий момент в рамках работы суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» предусмотрена следующая модель:

1) подача исполнительного документа через суперсервис «Госуслуги» (либо направление исполнительного документа судом);

2) автоматизированное извещение о начале исполнительного производства;

3) обязанность банков сообщить приставу о денежных счетах и движениях по ним для принятия решения;

4) автоматизированное обращение и отмена взыскания на денежные средства должника, а также на заработную плату и (или) иные доходы должника;

5) автоматизированное взыскание исполнительского сбора;

6) автоматизированное наложение и снятие арестов, ограничений, запретов;

7) автоматизированное окончание исполнительного производства.

ФССП планирует ввести реестровую модель исполнительного производства и подключить искусственный интеллект к поиску должников и сбору информации о них. Было запланировано, что к 2023 г. 80 % решений службы должны приниматься автоматически⁶.

Анализ автоматизированного алгоритма позволяет прийти к выводу, что предлагаемая модель максимально близка к структуре принудительного исполнения, осуществляемого при обращении взыскания на денежные средства должника через банки и работодателя. Решение создать единый универсальный порядок является правильным, поскольку обеспечивает большую защищенность и взыскателя, и должника. Само по себе введение централизованного цифрового упрощенного порядка снижает риск незаконных действий при принудительном исполнении, существующих в текущей исполнительской практике, таких как предъявление фальсифицированных исполнительных документов к исполнению, использование механизмов принудительного исполнения для выведения денежных средств за рубеж, для

⁴ Ярков В. В., Ренц И. Г. Действительность принципов нотариата в XXI веке: новые вызовы // Закон. 2019. № 7. С. 30–43.

⁵ Ст. 4 Федерального закона от 21.12.2021 № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8976.

⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5049787> (дата обращения: 25.10.2021).

обналичивания денежных средств, для легализации (отмывания) денежных средств. Однако для того, чтобы защищенность была действительной, а исполнение — эффективным, необходимо решить ряд практических и юридических проблем.

Развивая идею автоматизации исполнительного производства, В. А. Гуреев предлагает возможность введения упрощенных процедур исполнения незначительных по сумме исполнительных документов без обязательного возбуждения исполнительного производства⁷.

Предложение О. П. Гурьева более сдержанно. Делая оговорку о том, что в упрощенном исполнительном производстве предполагается систематическое использование информационных технологий, он полагает, что само производство должно вестись через судебного пристава⁸, т.е. что в исполнительном производстве человек не будет удален из упрощенного порядка взыскания.

Е. Н. Кузнецов предлагает перевести исполнительное производство по взысканию по судебным приказам полностью в цифровой формат⁹.

Во всех предложениях содержится идея минимизации человеческого участия в исполнительном производстве. Ее смысл заключается в высвобождении времени судебных приставов от технической работы и минимизации расходов по исполнению. Но в каких случаях будет применимо предложение об упрощенном исполнительном производстве и какие риски оно несет?

Прежде всего следует помнить, что исполнительное производство — это завершающий этап защиты права, которому предшествовал этап установления наличия нарушения права. Не будет избыточным предположить, что в упрощенном исполнительном производстве преимущественно будут исполняться исполнительные документы, выданные на основе упрощенных и приказных порядков установления права требования. Сами по себе, в том числе отдельно от дискуссии об упрощенном исполнительном производстве, эти порядки

также предлагается автоматизировать. Таким образом, это позволит подчинить интеллектуальному алгоритму всю цепочку защиты права, от момента обращения с заявлением о наличии факта нарушения права до его исполнения. В таком варианте действительно можно полностью обойтись без решений, принимаемых человеком, передав анализ документов интеллектуальному алгоритму. Однако сам по себе этот вариант содержит проблему отсутствия механизмов выявления допущенных ошибок, и в настоящее время законодатель не учитывает специфику этих ошибок.

Между тем в обсуждаемом варианте могут содержаться следующие ошибки: 1) ошибка программы, 2) ошибка ввода данных, 3) ошибка в прилагаемых документах (включая их фальсификацию). Ни один из вариантов этих ошибок в настоящий момент не имеет разработанного процессуального порядка устранения.

Очевидно, что для ошибок первого типа (ошибка программы) вряд ли могут быть применимы общие сроки обжалования, установленные законом: время выявления такой ошибки может составлять годы или даже десятилетия. Следовательно, необходимо устанавливать особые сроки и особый порядок устранения этих ошибок, вероятно, более сходный с пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам, чем с апелляционным производством.

Последствия устранения ошибки ввода данных прямо зависят от того, на каком этапе и кем допущена ошибка ввода: это может быть ошибка, совершенная должностным лицом; ошибка, допущенная стороной спора, и т.д. В этом случае также необходимо предусматривать особые правила отмены вынесенного постановления: действующее законодательство не предусматривает соответствующих оснований отмены, а для приказного производства эта ошибка практически неустранима из-за специфики пределов пересмотра судов кассационной инстанции.

Наконец, проблема ошибок в прилагаемых документах требует общего законодательно-технического решения. Учитывая, что пере-

⁷ Гуреев В. А. Оптимизация исполнительного производства и упрощение процедур взыскания Федеральной службой судебных приставов: вызовы, проблемы и пути их решения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 3–9.

⁸ Гурьев О. П. Упрощенное исполнительное производство: размышления о предпосылках и содержании правового института // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 19–22.

⁹ Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 14.

крестной проверке может быть подвергнут не всякий документ, очевидно, необходимо предусмотреть двойственность верификации подлинности документа. Так, для документов, которые могут быть проверены по другим источникам, на основании перекрестной перепроверки сведений, требуется внедрение сервиса, позволяющего обеспечить загрузку информации, ее аналитическую проверку и перекрестный обмен информацией. Проблема заключается в том, что эта информация не может исходить исключительно из государственных источников, и в этом смысле требуется предоставление возможности загрузки информации коммерческим и некоммерческим организациям, а также частным лицам. При этом достоверность загруженной информации должна подтверждаться различным образом в зависимости от того, кем выдан соответствующий документ и кто его загружает в систему.

Однако всё вышеперечисленное — нерешенные проблемы только первого этапа защиты права. Они кратно усложняются при упрощенном исполнительном производстве. Во-первых, подача документа через сайт «Госуслуги» требует создания единого реестра исполнительных документов с целью их верификации, что в настоящее время затруднительно в отношении некоторых исполнительных документов, поскольку отсутствует единый учет этих лиц (КТС, медиаторов, осуществляющих внесудебное медиативное урегулирование). В связи с этим целесообразно создать единый реестр субъектов, осуществляющих деятельность по рассмотрению или урегулированию споров и обязать таких лиц вносить в единую базу принятые ими исполнительные документы. В целях обеспечения функционирования суперсервиса закон предписывает, помимо более точной верификации должников и взыскателей, чтобы «организации, через которые производится уплата денежных средств в счет погашения задолженности по исполнительному производству, направляли информацию об их уплате в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах» (ст. 4 Федерального закона от 21.12.2021 № 417-ФЗ). Обращение к этой же системе (ГИСГМП) становится обязательным при решении вопроса о возбуждении исполнительного производства. Этот подход можно только одобрить, поскольку хотя бы по некоторым вопросам вводится перекрестная проверка поступающей информации. Это важный задел

для продолжения работы в направлении формирования достоверных данных в исполнительном производстве.

Тем не менее часть положений Федерального закона от 21.12.2021 № 417-ФЗ фактически ориентируют на работу судебных приставов-исполнителей в ручном режиме. Судебными приставами-исполнителями «в целях установления идентификаторов должника и взыскателя (страхового номера индивидуального лицевого счета, идентификационного номера налогоплательщика, серии и номера документа, удостоверяющего личность) на основании исполнительного документа у соответствующих органов могут запрашиваться указанные сведения с использованием государственных информационных систем. В целях уведомления должника и взыскателя у операторов связи могут запрашиваться номера телефонов должника и взыскателя». Сходным образом изменения к ст. 67 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ устанавливают, что, «получив из Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах информацию об уплате задолженности по исполнительному документу, судебный пристав осуществляет проверку достаточности указанной уплаты, по результатам которой принимает решение о снятии временного ограничения на выезд должника из Российской Федерации». Изменения к ст. 69 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ предписывают, что «информационный обмен с банками и иными кредитными организациями, налоговыми органами, а также с органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на имущество, осуществляется с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия... в течение трех дней». Фактически и в этом случае речь идет о ручном режиме сбора и проверки информации. Примечательно, что во всех приведенных примерах изменения норм закона речь идет о подборе и анализе информации человеком. То есть часть механизмов коммуникации типа «человек — человек» превращены в коммуникации типа «человек — машина — человек», в которых машина выполняет лишь функцию накопителя информации. Главные интеллектуальные возможности информационных технологий не используются. Таким образом, минимизируются преимущества, связанные с возможностями межведомственного анализа информации, сквозной проверки достоверности данных, автоматизированного

принятия процессуальных решений исходя из маркерных данных. Между тем устранение работы человека из этой цепочки влияет сразу на несколько проблемных участков в деятельности службы: загруженность судебных приставов-исполнителей; устранение «человеческого фактора» при анализе информации, ведущего к ошибке; устранение повода для коррупционной составляющей. Полагаем, что дальнейшее развитие цифрового исполнительного производства в значительной степени зависит от технических возможностей, в том числе от уровня программного обеспечения, которое должно быть направлено на повышение уровня его аналитичности и одновременно на устранение излишних действий человека, способных внести ошибку в алгоритмизированный порядок.

Следует подчеркнуть, что параллельно с внедрением механизма взыскания в рамках упрощенного исполнительного производства необходима разработка механизмов, обеспечивающих устранение правовых и фактических ошибок. В настоящее время закон не располагает универсальными механизмами, обеспечивающим эффективное восстановление нарушенного права, соответствующими специфике упрощенного порядка. Инструментом, позволяющим исправить ошибки, допущенные при упрощенном исполнительном производстве в части произведенных взысканий, выступает поворот исполнения (ст. 443 ГПК РФ, ст. 326 АПК РФ) в отношении исполнительных документов, выданных судами. В отношении остальных исполнительных документов порядок поворота исполнения отсутствует как таковой, соответственно, может быть осуществлен либо путем обращения к субъекту, выдавшему соответствующий исполнительный документ, либо посредством судебного порядка защиты права, например путем оспаривания исполнительной надписи нотариуса в особом производстве. При этом правовое регулирование, в принципе не учитывающее потенциальную дефектность основания исполнения во внесудебных порядках, создает дополнительные преграды должнику для защиты своего права.

Так, С. Ю. Катуюкова, Е. А. Нахова приводят прямо противоречащие друг другу примеры судебной практики, в одном из которых истец обратился с иском к кредитной организации о признании недействительным пункта инди-

видуальных условий кредитования о возможности внесудебного взыскания, признании недействительной исполнительной надписи нотариуса. Исковое требование к банку суд удовлетворил, требование о признании недействительной исполнительной надписи нотариуса оставил без удовлетворения, поскольку, по мнению суда, такое требование может быть рассмотрено только в порядке гл. 37 ГПК РФ. В деле с аналогичными обстоятельствами другой суд вынес решение о признании исполнительной надписи незаконной и ее отмене. Авторы констатируют нерешенность вопроса о процессуальном порядке рассмотрения таких соединенных требований¹⁰, что вполне закономерно создает дополнительные сложности в связи с высокой перспективой отмены соответствующих судебных актов при разрешении судом двух требований в одном процессуальном порядке либо требует от заинтересованного лица прохождения двух судебных процессов. При этом следует отметить, что именно денежные взыскания по несудебным исполнительным документам (ст. 12 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ) будут составлять существенный, если не основной массив документов, исполняемых в упрощенном исполнительном производстве.

Таким образом, упрощенному порядку взыскания противостоит усложненный порядок отмены ошибочного взыскания. Логически усложненный порядок объясняется тем, что в данном случае задействуется механизм проверки имеющейся ошибки, а это всегда более сложная процедура. Но, оценивая это положение закона, нельзя не отметить, что при защите своих прав взыскатель и должник в упрощенном исполнительном производстве будут находиться в неравноправном положении. Не говоря о трудностях с несудебными исполнительными документами, даже специализированный судебный порядок в этом случае (поворот исполнения) — вопрос, рассматриваемый по заявлению заинтересованного лица или по инициативе суда в судебном заседании, по его итогам выносится решение или определение. Постановление суда о повороте исполнения подлежит обжалованию в общем порядке, в отличие от судебных постановлений, вынесенных в упрощенном порядке. Это означает, что время и расходы, которые понесет должник

¹⁰ Катуюкова С. Ю., Нахова Е. А. К вопросу о судебном порядке оспаривания исполнительной надписи // Нотариус. 2020. № 7. С. 45–48.

(с последующим взысканием с взыскателя), будут кратно отличаться от времени и средств, затраченных взыскателем на этапе до поворота исполнения, что само по себе может потребовать дополнительного — отдельного — исполнительного производства, связанного с взысканием причиненных убытков. Следовательно, восстановление нарушенного права будет для должника более длительной, дорогой и сложной процедурой, чем первоначальное взыскание для взыскателя. Охраняя права должника, Пленум ВС РФ устанавливает: «Если во исполнение судебного акта ответчиком перечислены денежные средства кредитору, а впоследствии данный судебный акт отменен или изменен в части взыскания указанных денежных средств и полученные взыскателем денежные средства должнику не возвращены, то по общему правилу на названную денежную сумму подлежат начислению проценты, установленные статьей 395 ГК РФ, с момента вступления в силу итогового судебного акта (п. 2 ст. 1107 ГК РФ). Вместе с тем с учетом обстоятельств конкретного дела, например если имела место фальсификация доказательств и это привело к принятию решения, послужившего основанием для перечисления ему денежных средств, предусмотренные статьей 395 ГК РФ проценты подлежат начислению с более раннего момента, например с момента зачисления денежных средств на расчетный счет недобросовестного взыскателя (п. 3, 4 ст. 1, п. 2 ст. 1107 ГК РФ)»¹¹.

Но если взыскатель — частное лицо может вернуть должнику неправомерно взысканные средства и, таким образом, предотвратить последующее требование о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, то по взысканиям в пользу бюджетов всех уровней отсутствует возвратный механизм, обеспечивающий автоматическое восстановление нарушенного права должника. Если первоначальное взыскание было обращено в бюджет, поворот исполнения возможен только в порядке, установленном главой 24.1 БК РФ, следовательно, на бюджет лягут дополнительные расходы по возмещению должнику убытков и процентов по ст. 395 ГК РФ.

Юридическая неуравновешенность процедур ставит вопрос о нарушении принципа равноправия, поскольку устанавливает для должника осложненный порядок восстановления права по итогам ошибочного упрощенного исполнительного производства. Учитывая постоянный динамический рост исполнительных документов, передаваемых на исполнение, будет увеличиваться и процент взысканий в упрощенном порядке, как следствие, будет увеличиваться и процент допущенных ошибок. Эта связь очевидна. Следовательно, необходима разработка адекватных процессуальных механизмов поворота исполнения по упрощенным исполнительным производствам, сочетающих учет специфики первого этапа исполнения и обеспечение достоверности на этапе проверки необходимости осуществления поворота исполнения.

Наконец, специфика упрощенного цифрового исполнительного производства заключается в том, что в соответствующем порядке исполнение может быть обращено лишь на денежные средства. Между тем, по данным ФССП, в настоящее время общая эффективность взыскания (т.е. с обращением взыскания как на денежные средства, так и на иное имущество должника) по исполнительным производствам имущественного характера составляет 16 % (от взысканной суммы по исполнительным производствам); налоговой задолженности — 35,6 %; задолженности по жилищно-коммунальным платежам — 31,6 %; алиментных платежей — 28,5 %; взыскания с физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в пользу физических лиц — 20,5 %; штрафов ГИБДД — 54,2 %; взыскания с физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в пользу юридических лиц — 11,5 %; взыскания денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации — 35,3 %¹². В настоящий момент ФССП не располагает данными о том, какая часть из всех исполненных исполнена за счет непосредственно взысканных денежных средств, а какая — за счет продажи имущества. Даже допуская умозрительное преобладание процента исполнения исполнительных документов за счет денежных

¹¹ П. 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2022 г. // URL: <https://fssp.gov.ru/2837777/> (дата обращения: 24.05.2023).

средств должника, надо признать, что после нерезультативного упрощенного исполнительного производства по неисполненным исполнительным документам будет необходимо перейти к основному исполнительному производству, допускающему обращение взыскания на иное имущество, принадлежащее должнику. Это единственный вариант решения, поскольку в рамках исполнительного производства окончание исполнения допускается при исчерпанности возможности обращения взыскания на любое имущество должника, а не на какой-то отдельный его вид.

Следовательно, будет необходима гармонизация порядка, регулирующего ординарное исполнительное производство, с порядком, установленным для упрощенного исполнительного производства. В частности, доктринального решения требует вопрос о предоставлении в этом случае срока на добровольное исполнение. Затем необходимо решить вопрос исполнительского сбора, в том числе учитывая природу исполнительского сбора: будет ли он одинаковым для должников, в отношении которых ранее применялся упрощенный порядок исполнения и с которых уже взыскивался исполнительский сбор, и для должников, в отношении которых упрощенного исполнительного производства не возбуждалось. Помимо этого, возникает множество других вопросов, связанных с согласованием порядков, например вопросы сроков самих производств, возможности наложения ареста на неденежное имущество в упрощенном исполнительном производстве с сохранением этого ареста при переходе в ординарное исполнительное производство и т.д.

Наконец, требует решения вопрос параллельного существования упрощенного цифрового исполнительного производства и взыскания через банки и работодателя. Фактически закон может как допустить их сосуществование, так и отказаться от взыскания через лиц, не являющихся органами ФССП. Полагаем, что отказом от прямого взыскания через банки и работодателя не затрагиваются диспозитивные права взыскателя, наоборот, обеспечиваются дополнительные гарантии защиты права взыскателя, должника, а также банков и работодателей за счет повышенной верификации исполнительных документов. Для взыскателя и для должника обращение взыскания в унифицированном порядке также повышает защиту их прав: упрощает возможность получения информации о ходе исполнения, устраняет риски,

связанные с недобросовестным поведением работодателя или банка в отношении частного лица — взыскателя. Поэтому, на наш взгляд, при введении упрощенного цифрового исполнительного производства надлежит отказаться от возможности взыскания напрямую через банки и работодателей.

Ресурсы, предполагаемые к использованию в упрощенном цифровом исполнительном производстве, безусловно, могут быть использованы и в *ординарном исполнительном производстве*: автоматизированы определенные исполнительные действия, такие как направление уведомлений, запросов, вынесение некоторых постановлений, автоматизированный анализ и проверка поступающей информации и т.д. Перекрестная проверка необходима не только по вопросам подлинности исполнительных документов и наличия реальных обязательств должника (по всем принудительным исполнениям, а не только в рамках исполнительного производства). Но поскольку цель внедрения информационных технологий как целостной программы должна состоять в решении значимых проблем этого варианта исполнительного производства, то целевым назначением в использовании информационных технологий должно стать решение проблемы обнаружения имущества неисполняющего должника. Это возможно сделать путем накопления и перекрестного анализа информации о доходах и расходах должника, составе его имущества, а также некоторых иных сведений, например о пользовании имуществом (квартирой, машиной и т.д.), юридически не принадлежащим должнику; о приобретении на имя должника за чужой счет авиационных и железнодорожных билетов и т.п.

Вопрос перекрестной проверки информации, имеющей значение для исполнительного производства, необходимо разрабатывать более широко как с юридической, так и с технологической позиций. Следовательно, необходима единая база данных о долговых обязательствах, имеющихся денежных средствах, об имуществе лица и его расходах, совмещенная с базой, обеспечивающей возможность применения типичных запретов, лишения типичных льгот и преимуществ (запрет на получение лицензии, запрет на управление автомобилем и т.д.). Эта база обеспечит оперативное взыскание и одновременно даст дополнительную гарантию последующего исполнения в случае, если у должника будут отсутствовать денежные средства и

потребуется обращение взыскания на имущество.

В более долгосрочной перспективе необходимо разработать *обращение взыскания на цифровые активы*, учитывая их особый статус и специфику порядка обращения взыскания на них. Так, президент Международного союза судебных исполнителей М. Шмитц справедливо отмечает, что это не только криптовалюта, но прежде всего адрес электронной почты, аккаунты в социальных сетях, домены, онлайн-хранилища, инвестиционные счета (такие как PayPal, Revolut) и воздушные мили¹³, т.е. те цифровые активы, одним или несколькими из которых обладает каждый гражданин¹⁴.

Именно этот тип исполнения, при условии его своевременной законодательной и технологической проработки, способен стать причиной привлечения участников спора в национальную юрисдикцию Российской Федерации.

В настоящее время одной из важных экономико-юридических задач многих государств является привлечение в национальную юрисдикцию участников трансграничных споров, для которых создаются особые порядки рассмотрения дел¹⁵. Конкуренция юрисдикций связана не столько с удобным для участников спора и более дешевым по сравнению с международным коммерческим арбитражем процессом. Юрисдикция государства становится особенно привлекательной тогда, когда выигравшая сторона в состоянии обеспечить быстрое и эффективное исполнение в той же юрисдикции¹⁶. В силу множества причин Российская Федерация не может конкурировать в этой сфере с другими юрисдикциями, проигрывая им в отношении обеспечения возможности обращения взы-

скания на имущество юридических и физических лиц. Как правило, для эффективного взыскания необходимо фактическое присутствие должника или его имущества на территории соответствующей юрисдикции. Исключением (впрочем, не безусловным) как раз и являются цифровые активы.

Следовательно, для продвижения национальной юрисдикции в трансграничных спорах необходимо развивать направление разрешения споров в отношении цифровых активов, одновременно действуя в трех направлениях:

— во-первых, создавать благоприятную правовую и экономическую среду, включая благоприятные налоговые режимы, для регистрации цифровых активов в юрисдикции России;

— во-вторых, с учетом иностранной юридической практики создать особый суд по рассмотрению трансграничных споров в отношении цифровых активов, ориентированный прежде всего на дистанционный порядок судопроизводства, с возможностью использования новейших технологий и в судопроизводстве, и в доказывании;

— в-третьих, разработать порядок исполнения в отношении цифровых активов, включая механизмы выявления, ареста, реализации и передачи конкретно определенных активов.

Заключение

В действительности можно заключить, что цифровое исполнительное производство не будет однородным. Одни преимущества цифровых технологий могут быть использованы для более быстрого исполнения в упрощенных исполни-

¹³ Шмитц М. Принудительное исполнение и цифровые ресурсы // Принудительное исполнение: современное состояние и векторы развития = Enforcement: The Current State and Development Vectors. М. : Литрес, 2021. С. 32–33.

¹⁴ Важно акцентировать внимание на замечании М. Шмитца, касающемся исполнительного производства. Отмечая специфику цифровых активов, невозможность применения к ним общих правил принудительного изъятия, он одновременно указывает на их трансграничность, из чего делает вывод о необходимости глобальной гармонизации права, т.е. потребности выхода за границы конкретных правовых традиций (Шмитц М. Указ. соч. С. 35–36). Нам представляется, что это общая тенденция для всех этапов защиты права, а не только для исполнительного производства, и она будет определять одно из главных направлений развития гражданского процессуального права в ближайшие десятилетия (аргументацию см.: Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия : монография. М. : Проспект, 2019).

¹⁵ См.: Институты публичной власти в условиях глобализации : монография / под ред. Т. А. Васильевой и Н. В. Варламовой. М. : Норма, Инфра-М, 2020. § 5. С. 149–169.

¹⁶ В. В. Ярков в одном из выступлений в качестве весьма эффективной дополнительной меры, привлекающей в иностранную юрисдикцию, называл иностранную практику предоставления налоговых льгот в отношении денежных средств, полученных взыскателем в результате исполнительного производства.

тельных производствах, ориентированных на внутригосударственные споры, другие — в качестве инструмента повышения привлекательности национальной юрисдикции для трансграничных споров. Соответственно, должны быть и разные законодательные решения для этих исполнений. При этом необходимо учитывать,

что исполнение не существует само по себе, вне отрыва от предшествующего этапа защиты права, и нормы, регулирующие цифровое исполнительное производство, должны учитывать возможности исправления ошибок, допущенных как на этапе исполнения, так и на этапе подтверждения права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуреев В. А. Оптимизация исполнительного производства и упрощение процедур взыскания Федеральной службой судебных приставов: вызовы, проблемы и пути их решения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 8. С. 3–9.

Гурьев О. П. Упрощенное исполнительное производство: размышления о предпосылках и содержании правового института // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 12. С. 19–22.

Институты публичной власти в условиях глобализации : монография / под ред. Т. А. Васильевой и Н. В. Варламовой. М. : Норма, Инфра-М, 2020. 272 с.

Катукова С. Ю., Нахова Е. А. К вопросу о судебном порядке оспаривания исполнительной надписи // *Нотариус*. 2020. № 7. С. 45–48.

Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации : автореф. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 39 с.

Шмитц М. Принудительное исполнение и цифровые ресурсы // *Принудительное исполнение: современное состояние и векторы развития = Enforcement: The Current State and Development Vectors*. М. : Литрес, 2021. 640 с.

Ярков В. В., Ренц И. Г. Действительность принципов нотариата в XX веке: новые вызовы // *Закон*. 2019. № 7. С. 30–43.

REFERENCES

Gureev VA. Optimization of Enforcement Proceedings and Simplification of Recovery Procedures by the Federal Bailiff Service: Challenges, Problems and Ways to Solve them. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2018;8:3-9. (In Russ.).

Guryev OP. Simplified Enforcement Proceedings: Reflections on the Prerequisites and Content of the Legal Institute. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2020;12:19-22. (In Russ.).

Katukova SYu, Nakhova EA. On the Issue of the Judicial Procedure for Challenging the Executive Inscription. *Notarius*. 2020;7:45-48. (In Russ.).

Kuznetsov EN. The Right to the Execution of Judicial Acts in the Russian Federation. Abstract Dr. Diss. (Law). Ekaterinburg; 2022. (In Russ.).

Schmitz M. Enforcement and Digital Resources. In: *Prinuditelnoe ispolnenie: sovremennoe sostoyanie i vektory razvitiya = Enforcement: The Current State and Development Vectors*. Moscow: Litres Publ.; 2021. (In Russ.).

Vasilyeva TA, Varlamova NV. Institutions of Public Power in the context of Globalization. A monograph. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).

Yarkov VV, Rents IG. The Validity of the Principles of the Notary in the 21st Century: New Challenges. *Zakon*. 2019;7:30-43. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцова Елена Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
egstrelcova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Streltsova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Civil and Administrative Proceedings, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
egstrelcova@msal.ru

Статья поступила в редакцию 29 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 13 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 29.05.2023.

Revised 13.06.2023.

Accepted 15.09.2023.